

«НИКОГО НЕ БУДЕТ – БУДЕШЬ ТЫ!»

ДО РОЖДЕНИЯ ИЛЬИ В СЕМЬЕ ЮЛИИ МАРКОВНЫ И ИЗЯСЛАВА НАУМОВИЧА СПОРТСМЕНОВ НЕ БЫЛО. БЫЛИ МУЗЫКАНТЫ, ВРАЧИ, ХУДОЖНИКИ, ЛИТЕРАТОРЫ. ИМ И СЕГОДНЯ ИЗ ВСЕХ ВИДОВ СПОРТА БЛИЗОК ЛИШЬ ТЕННИС, В КОТОРЫЙ ИНОГДА ОНИ НЕ ПРОЧЬ ПОИГРАТЬ.

Юлия Марковна, откуда в вас, человеке, далеко от спорта, было такое желание сделать из ребенка спортсмена?

Когда я сама была маленькой, то смотрела все соревнования по фигурному катанию, которые транслировали по телевизору. Я этим жила, знала всех фигуристов, придумывала и рисовала костюмы. Я и сама хотела кататься, но вместо спорта мама вечно усаживала меня за пианино. «Раз сходишь на каток, потом будешь с ангиной лежать», – говорила она. Через

забор я смотрела, как занимаются подружки, и завидовала. И вот эту нереализованную мечту, которой жила, я решила реализовать в ребенке, решив для себя: не я, так мой ребенок будет кататься.

Начинали мы на стадионе «Авангард», недалеко от дома. Там с Ильей происходило множество веселых курьезов. Однажды его выгнали из группы. Дело было так. Муж вернулся из отпуска, и мы с ним вместе пошли посмотреть тренировку нашего мальчика. Сели на трибуну. Тренер вывел детей на стадион на пробежку. И Илья, всякий раз пробе-

гая мимо нас, махал рукой и кричал: «Мама, папа, я тут!» После занятия тренер всех построила. Смотрим, Илья делает шаг вперед и направляется к нам, понунив голову. Мы подходим к тренеру: «В чем дело?» Она говорит: «Мальчик еще не готов к серьезным занятиям. Забирайте, придете через год». Мы его забрали и перевели к другому тренеру.

Искусственного льда тогда в «Авангарде» не было, и дети в теплое время года учились кататься на роликах. И вот наступил день, когда тренер решил провести эксперимент, сказав: «Переодевайте ролики и надевайте конечки, посмотрим, как у вас получится». Илья был одним из первых в группе, кто поехал на конечках, остальные продолжали топтать по льду, как на роликах. Так он стал этаким фаворитом в группе, которого всем ставили в пример.

Весной мы опять встали на ролики, и я стала тренировать его во дворе. Однажды, во время одной из таких наших «тренировок», вижу — стоит в стороне мужчина, покуривает сигарету, смотрит. Вдруг подходит: «Ну чего ты мучаешь парня? Ни один уважающий себя фигурист никогда на роликах не тренируется. Нужно идти и кататься на нормальных коньках на нормальном льду. Если хотите, могу помочь. Вот телефон. Надумаете — звоните». Это был администратор катка «Кристалл» в Лужниках Владимир Сергеевич Новицкий. Сначала я как-то не придавала этому значения, но потом позвонила. Так по его протекции

**«Я РЕШИЛА:
НЕ Я, ТАК
МОЙ РЕБЕНОК
БУДЕТ
КАТАТЬСЯ»**

мы стали заниматься в «Кристалле». 15 декабря мы пришли на первую тренировку, а через три дня Илье исполнилось шесть лет. Попали мы в группу Натальи Петровны Дубинской. Когда на первой тренировке я увидела ее детей, то просто обомлела. Илья еще кататься толком не умел, а они уже вращались, делали пистолетики... Илья начал кататься со стулом: по краешку льда толкал впереди себя стул и потихоньку скользил за ним. И только спустя два месяца — в канун Восьмого марта — Наталья Петровна вышла после тренировки и сказала: «Слава Богу, поехал!»

И начались у нас годы упорных тренировок, соревнования, выездные сборы. Его часто брали на сборы как подающего надежды. Надо сказать, что Илья очень тяжело переносил отъезды из дома. Он никак не мог с этим смириться, постоянно просил, чтобы мы его забрали домой. Мы его забирали, привозили домой, потом уговаривали и увозили обратно.

Не жалко было?

Он всегда был взрослым, понимал доводы. У нас даже в подростковый период не было проблем, с какими сталкивается большинство семей. Выслушаешь его, аргументированно объяснишь, направишь. Он все правильно понимал, если ему правильно это излагали.

Конечно, он был многого лишен в детстве. Как любому мальчишке, ему хотелось побегать во дворе, поиграть в футбол. Были и детские «не хочу», «не буду», особенно когда что-то не получалось. Где-то приходилось уговаривать, где-то — заставлять. Но так, чтобы все бросить и забрать его из спорта, — такого не было никогда. Может, Илья в душе и хотел бы бросить, но я настолько была тверда, что озвучить это он не мог. Он понимал, что будет кататься, несмотря ни на что. Конечно, я его не изводила, определенная лояльность была. Но программу

задала ему с самого рождения: именно в фигурном катании он должен чего-то добиться.

Как в семье отнеслись к вашему решению вырастить из ребенка спортсмена?

Поначалу все отнеслись скептически. Были уверены в том, что это несерьезно: походит немного, пока маленький, а потом пойдет в школу и бросит. Настойчивой была только я: отступать было не разрешено. И мы с мужем каждый день с сонным или спящим ребенком, с огромным баулом с костюмом, коньками, едой ездили от метро Перово на Спортивную и обратно. Пока Илья тренировался, я успевала сбежать по магазинам, купить домой лук-картошку. А потом, как все остальные родители, подглядывала через окно за тренировкой сына.

Несмотря на то что было тяжело, мы воспринимали все это как должное. Сложнее стало, когда Илья пошел в школу. Из-за постоянных сборов и соревнований он много пропускал. Но учителя всегда шли навстречу, а мы во многом ему помогали. Отец занимался с ним математикой, а я подтягивала по другим предметам.

Могли вы тогда думать, подглядывая за ним в окна тренировоч-

ного катка «Кристалл» в Лужниках, что спустя годы у него будет здесь свой офис и что он станет признанным и одним из самых успешных людей шоу-бизнеса?

Нет, конечно, я тогда об этом даже не думала. Просто каждый раз поднимала планку — себе и ему. И как-то незаметно завертелось все это колесо. Наверное, Богу виднее, на кого возложить ту или иную ношу.

Илья тяжело переживал проигрыши?

Как и все дети: пока не знал, что такое проигрыш, ему было все равно. А после того как выиграл одно соревнование, другое, а потом вдруг проиграл — конечно, было неприятно. Но дети, как правило, долго не переживают. Больше переживают родители: раз проиграл, значит, надо еще больше работать. А когда стал постарше, стал серьезно переживать неудачи. Проблемы у нас начались в переходном возрасте. Илья рос, прыжки то получались, то нет. Было время, когда в обязательной программе он занимал последние места, а в короткой был первым. Тренеры все как один настаивали на том, чтобы он перешел в танцы. Танцевать он любил с детства, всегда удачно импровизировал. Было понятно, что это его стихия. Просто он был еще

Сегодня Ильяслав Наумович — партнер сына по бизнесу, а Юлия Марковна полностью посвятила себя работе учителя

мальчишкой и не хотел это признавать. На все уговоры и доводы категорически заявлял: «Кататься с девчонкой? Ни за что!» Но однажды он заболел, пропустил много тренировок и, естественно, отстал. Поехал на соревнования, начал проигрывать. В общем, согласился попробовать себя в танцах.

Илья рассказывал, что, когда он был маленьким, вы устроились в садик, в который пошел он. Почему? Вы не доверяли детсадовскому персоналу или настолько хотели всегда быть рядом с ним?

По первой специальности я микробиолог. Год проработав по специальности, я ушла в декретный отпуск. А потом институт закрыли, и возвращаться из декрета мне было некуда. Встал вопрос: куда

«КАК И ВСЕ РОДИТЕЛИ, Я ПОДГЛЯДЫВАЛА ЗА ТРЕНИРОВКОЙ СЫНА»

идти работать? Ребенок маленький, оставлять его было не с кем. И тут моя мама, которая работала врачом в детском саду, вспомнила о том, что у меня есть среднее музыкальное образование, и предложила мне пойти работать в их детский сад. Мне всегда нравилось возиться с детьми. Кроме того, меня прельщала мысль, что ребенок будет под присмотром. На тот момент это был выход из положения. В итоге я проработала в детском саду двадцать пять лет. И только когда мы вплотную подошли к Олимпиаде

в Солт-Лейк-Сити, я поняла, что не могу совмещать работу и подготовку Ильи к Олимпиаде. Дело в том, что, когда Илья только начал заниматься спортом, я нашла себя в том, что шила ему костюмы. Что-то простое на начальном этапе шила сама, потом стала обращаться к портным, а вечерами обшивала костюмы камнями, стеклянсом, блестками. В дальнейшем все это пригодилось. В течение десяти лет, что Илья с Ирой жили в Америке, я занималась их костюмами. Находила художников, закупала ткани. Тогда мы тесно начали сотрудничать с костюмером Ириной Поповой. Не спали ночами, чтобы все было готово в срок. Словом, все свои силы я бросила на то, чтобы к Олимпиаде все было идеально.

А на работу я вернулась спустя четыре года, когда мне предложили должность классного руководителя и педагога-организатора в школе для трудных подростков. Чтобы соответствовать уровню школы, пришлось пойти учиться. И год назад, отучившись в Московском институте открытого образования, я получила диплом педагога. Так что сейчас я опять полностью сконцентрирована на работе. **В каждой семье принято обсуждать, на кого ребенок похож. Скажите, что Илья унаследовал от вас, а что — от папы?** Внешне он больше похож на отца. Что касается характера, то от него он перенял дипломатичность, бесконфликтность, умение обходить острые углы, где-то отступить, не

«СУЩЕСТВУЕТ НЕЗРИМАЯ НИТЬ, КОТОРАЯ НАС СВЯЗЫВАЕТ»

лезть на рожон, прислушиваться к мнению окружающих. Как и отец, он бесконечно добрый, абсолютно бескорыстный. Я не могу сказать, что я не обладаю этими качествами, но мне в большей степени свойственны проявления твердости, настойчивости. Если бы в годы становления Ильи мы с мужем оба были мягкими, то ничего не получилось бы. Илье всегда было сложно принять решение. Он долго думал, все взвешивал. Я же гораздо быстрее определяюсь. И уже после того, как принимаю решение, мне становится понятно, куда дальше двигаться. Сейчас, мне кажется, в Илье стали проявляться эти мои стороны. Он четко понимает, чего хочет, и упорно идет к этой цели. Понимает, что и как нужно делать, сам принимает решения, и если что задумал, то уже не отступит. Он многое берет на себя, особенно в работе, и в этом тоже похож на меня.

До какого периода вы принимали активное участие в жизни Ильи?

Пока он был в спорте. Когда они с Ирой вернулись в Россию и стали жить семьей, мы отошли. Конечно, как могли, помогали: с ребенком, с жильем. Но в их личную жизнь мы не вмешивались, это была закрытая тема. Илья посвящал нас в свою личную жизнь настолько, насколько считал нужным.

После завершения спортивной карьеры Илья какое-то время находился в поиске. Он работал комментатором на телеканале «Спорт», вел передачу «Веселые старты», пробовался в программу «Доброе утро». Как вы реагировали на эти поиски себя?

На тот момент я понимала только одно: Илья не должен остаться за бортом. А еще я знала, что у него есть потрясающий дар — дар постановщика. Творец от рождения, он с легкостью мог изобразить что-то необыкновенное, сам не понимая, как у него это получается, а когда его просили повторить, у него получалось что-то новое. Этот дар мы видели и очень нежно и бережно старались развивать. Он рос в аб-

солютно творческой атмосфере, я водила его в театры, постоянно занималась. А поскольку он ходил ко мне в детский сад, ему доставались все главные роли: со своим ребенком же проще все выучить. Илья участвовал во всех сценках и всегда это делал с удовольствием. У него не было никакой зажатости, он свободно двигался и, что ни дай, все прекрасно исполнял. Все это насыщало его внутренний мир и теперь дает свои плоды.

После ухода из спорта он загорался от любых предложений. Но уже тогда мечтал возродить в России популярность фигурного катания. А потом встретил людей, которые его поддержали, которых он смог зажечь своей идеей и убедить в правильности этого пути. А позже пришло и признание публики. Сейчас все его силы — душевные, физические, моральные — брошены на то, чтобы воплотить в жизнь свои замыслы, через которые происходит его абсолютная самореализация как личности, как зрелого мастера, как творческого человека. Наш сын состоялся как профессионал — это самое главное.

Я же теперь смотрю на его работу только как зритель. Так же, как все, я каждую субботу включаю Первый канал и смотрю «Ледниковый период».

Вам знакомо материнское чувство ревности?

Я не могу сказать, что у меня была какая-то ревность. Другое дело, когда я видела, что к моему сыну относятся как-то не так, что его не понимают, к нему несправедливы, — были моменты, когда я бросалась на его защиту. Как родители, мы всегда были на его стороне — вне зависимости от того, прав он или нет.

Сейчас в силу его занятости мы видимся редко, в основном общаемся по телефону. Даже если он заезжает (в основном это происходит тогда, когда у нас гостит Мартин), у него постоянно звонит телефон. Но это его работа. Сейчас все так закрутилось-завертелось, что он чувствует огромную ответственность и перед своими партнерами, и перед коллегами, и перед зрителями. Но тем не менее существует незримая нить, которая связывает нас, и я, со своей стороны, только молю Бога, чтобы все у него было хорошо, потому что он все неурядицы переживает как личную трагедию, чтобы поменьше расстраивался, берег свое здоровье.

Я же живу надеждой, что мы все-таки все вновь объединимся и будем чаще встречаться. Сейчас, к сожалению, мы все слишком разрозненны. У Ильи — своя жизнь, у младшего сына Дани — своя, мы с мужем вдвоем. У нас уже давно не было общего стола. Иногда мы собираемся в ресторане, но тепло-го домашнего застолья не было много лет. Это оборотная сторона красивой внешней картинки под названием «успех». Но я верю, что наступит такой момент, когда мы вновь будем одной семьей, как в те годы, когда Илья был маленьким, когда мы шумно и весело отмечали все праздники, дни рождения, Новый год. Но пока этого нет.

Какая вы бабушка?

Я считаю, что я хорошая бабушка. Я с Мартином много занимаюсь,

стараюсь его вкусно накормить. Когда он со мной, я ни на минуту не оставляю его одного. Мы все время вместе, постоянно разговариваем, на ночь я придумываю ему сказки — без этого он не засыпает. Мы с ним хохочем, играем, дурачимся. Летом вместе отдыхаем в Крыму — купаемся, ходим в горы, гуляем.

С Ильей мы тоже с первого дня его жизни всегда были вместе. Мы вечно что-то придумывали, клеили, читали, смотрели диафильмы. Мне было это не в тягость. Когда он родился, мне было двадцать четыре. Я знала, что родила ребенка для себя и что его воспитание никому не доверю. Конечно, бабушки-дедушки в его

«МЫ ВЕЧНО ЧТО-ТО КЛЕИЛИ, ЧИТАЛИ, СМОТРЕЛИ»

жизни были, я отвозила его к ним на выходные, но в основном все делала сама.

К младшему сыну у вас было такое же отношение, как к Илье?

Нет. Когда Даня родился, Илье было шестнадцать. И все было сконцентрировано на нем. Дане мы постоянно говорили: туда не ходи, здесь не шуми, Илья спит и т.д. Илья должен приехать... Илье нужно то... Илья... Илья... Нельзя, конечно, сказать, что Даня у нас пострадавшая сторона, но ему уделялось гораздо меньше внимания.

Сейчас ему восемнадцать. Он тоже спортсмен, мастер спорта по фехтованию. Но в отношении его спортивных достижений моя позиция такова: как будет, так и будет. Он свои способности везде проявлял по чуть-чуть. Но как только я слышала от тренера, что он хороший, способный мальчик и его бы отдать в серьезную спортивную группу, меня сразу же охватывал страх. Пережить еще

одну историю с такой сумасшедшей мобилизацией себя я бы не смогла.

Есть родители, которые предпочитают ребенку самому выбирать, чем заниматься, кем становиться в будущем, а есть те, которые целенаправленно выбирают для него судьбу. Есть много примеров, что успеха добиваются и те, и другие. Как вы считаете, что правильнее?

Я не знаю. Если я Илью направляла, то результат видела уже в его восемнадцать лет. Младшему сыну я дала свободу и пока не вижу этого результата. Он еще в поиске, и мне хотелось бы, чтобы он поскорее нашел себя.

«У вас не получится». «Из вашего ребенка ничего не выйдет». «Вы зря тратите время». Так говорят многим родителям, и они сдаются. Говорили такое и мне. Но во мне жила вера, и, что бы мне ни говорили, я была уверена: «Вы не понимаете, какой в моем сыне скрыт потенциал. Вы еще увидите, на что он способен». Просто ему нужно было время. Был такой случай. Илья был на сборах в Невинномысске. Я приезжаю и узнаю, что у него возникли какие-то проблемы с ребятами и он наотрез отказывается дальше тренироваться. Тогда я буквально взяла его за грудки и сказала: «Никого не будет — будешь ты!» Думаю, он помнит этот случай. Возможно, на тот момент это было чересчур сурово, но мне нужно было этот «кисель» из него убрать. И ведь фактически так и случилось. Из того набора детей не осталось никого. Я жила с мыслью, что он еще проявит свой талант, и все, что могло ему помешать, старалась убрать из его жизни. Любая ситуация, которая могла остановить этот процесс, вызывала у меня состояние паники. Мне казалось, что стоит мне что-то упустить, и все пойдет не так. И всякий раз я брала себя в руки, потому что знала: раз я запрягла, то нужно эти вожжи держать до конца. Я не могла их ослабить, так мы вместе и полностью прошли весь этот путь.

Елена Семикова